

The background of the cover is a painting of two men in a garden. On the left, a man with a dark beard and mustache, wearing a brown vest over a white shirt and a blue cravat, looks down at his hand. On the right, a man with a mustache, wearing a white suit and a green tie, looks up and to the right. They are standing in a field of red roses. In the background, there is a large, two-story house with a blue roof and white trim, surrounded by green trees.

Тимур Суворкин

Дуэль
под крымским
солнцем

Убийство
в летнюю
ночь

Тимур Евгеньевич Суворкин

Убийство в летнюю ночь

Серия «Расследования в Российской империи»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74504896
ISBN 978-5-04-254569-6

Аннотация

Лето 1853 года. Крым, солнце, виноградники...

На залитый солнцем полуостров прибывает обаятельный англичанин Арчибальд Уайт, торговец шерстью, авантюрист и сердцеед. Он поселяется в усадьбе состоятельного купца Фрола Чертопузова и быстро становится желанным гостем в лучших домах губернии.

Однако новый легкомысленный роман Уайта оборачивается самыми страшными последствиями. Ревность, соперничество и уязвлённая гордость приводят к убийству.

Под беззаботным небом Крыма начинается смертельная дуэль между сыщиками и изворотливыми преступниками, готовыми пойти на все, лишь бы избежать наказания. Ложные обвинения, заметание следов, сфабрикованные улики...

Сумеют ли сыщики добраться до правды, или преступникам сойдет с рук убийство случившееся в летнюю ночь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тимур Суворкин

Убийство в летнюю ночь

© Суворкин Т. Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*А на крымском берегу вина красные,
А на крымском берегу зори розовы,
А на крымском берегу маки алые,
А этюды там сплошь багровые.*

Глава 1

Это убийство потрясло всю страну – сам государь разбирал дело и лично поставил в нем точку. Однако это потом уже было, по зиме, а началось все в мае 1853-го, когда пароход «Оберон» прибыл в гавань Феодосии.

Едва могучие трубы перестали пятнать небо угольным дымом и матросы приняли швартовочные канаты, как на палубе корабля появился весьма примечательный пассажир.

Он был высок, строен и непростительно хорош собой. Его волосы отливали медью, а лицо отличалось редким, почти античным благородством черт. Летний костюм из чесучи цвета слоновой кости сидел на нем безукоризненно, а начищенные штиблеты с серебряными пуговицами блестели так, что поспорить с ними могла, пожалуй, лишь сверкающая улыбка путешественника.

В правом кармане пиджака пассажира лежала новенькая, еще пахнувшая кожей записная книжка, а также пухлая стопка визиток. «Арчибальд Уайт. Торговец шерстью. Ливерпуль» – гласили буквы, вытесненные на дорогом кремовом картоне. В левом кармане находились две самые необходимые в любом путешествии вещи: кастет и паспорт. Из последнего можно было узнать, что вчера прямо на борту парохода этот примечательный господин отметил свое тридцатилетие.

Подали трап, и Арчибальд Уайт ступил на пристань с той молчаливой, ненавязчивой элегантностью, что отличает человека, привыкшего к длительным путешествиям. В руках он держал свою любимую трость с набалдашником в виде серебряного волка и более ничего. Все чемоданы, а их было немало, тащил его компаньон Джеймс Гамильтон, буквально согнутый под тяжестью этой непосильной ноши. Джеймс был младше Уайта и по должности, и по возрасту, а потому именно на его плечи ложилась вся черная работа.

— Дружище, прошу вас расторопнее, нас ждет начальство, будет некрасиво, если мы опоздаем, — бросил Уайт согнувшемуся под весом чемоданов коллеге и, поигрывая тросточкой, направился к зданию таможни.

Вскоре документы были проверены, чемоданы осмотрены, и двое англичан вышли на пыльную улицу, что вела в город. Феодосия встретила их той особой, лихорадочной жизнью, какая бывает только в портовых городах: гам разноязычной толпы, крики возниц, ржание лошадей, доносящийся из гавани скрип лебедок и кранов, визг тележных колес по щебню.

Стояла жара. Воздух был зыбок от марева, однако зной не страшил господина Уайта. В свое время он успел поработать в Калькутте. После влажного, удушающего индийского пекла раскаленный крымский полдень казался ему почти ласковым.

Англичанин с наслаждением вдохнул горячий воздух.

Пахло морем и рыбой, дегтем и смолой, горькой полынью и цветущими в садах абрикосами, а над всем этим стоял стойкий, плотный, животный дух нагруженной в телеги овечьей шерсти. Господин Уайт чуть заметно ухмыльнулся и покрепче сжал трость.

Нанимать извозчика они не стали: контора была в четверти часа ходьбы от порта, а господин Уайт считал умеренные физические нагрузки весьма полезными для здоровья.

– Взгляните, дружище, верблюды! Уж не сошли ли мы по ошибке где-нибудь в Индии? – Уайт белозубо улыбнулся и указал тросточкой на запряженных в повозки дромадеров.

Гамильтон, который пытался одновременно отереть пот со лба и удержать в руках все чемоданы и бесчисленные свертки, лишь промычал в ответ что-то невразумительное. Господин Уайт вздохнул: он всегда считал, что Гамильтон как собеседник оставляет желать лучшего, однако, будучи человеком великодушным, прощал коллеге данный недостаток.

Миновав несколько улиц, англичане дошли до аккуратного двухэтажного дома, где располагалась контора. На первом этаже сидело несколько клерков, называемых в России забавным словом *prikazchiki*. На втором находился кабинет Аластара Невермора. Внутри было прохладно и тихо – лишь скрипели перья да шуршали перекладываемые бумаги.

– Чемоданы сюда, – мгновенно распорядился господин Уайт и взмахом трости указал в дальний угол зала. Едва жи-

вой Гамильтон тут же свалил туда свою нелегкую ношу, после чего в изнеможении прислонился к стене.

Уайт наблюдал за его действиями со снисходительным одобрением. Помощник его был человеком способным, хотя и требовал еще огранки.

Взяв трость под мышку, Арчибальд Уайт поднялся по лестнице и знаком указал запыхавшемуся Гамильтону идти следом, в кабинет начальника.

Главе конторы было около пятидесяти. Господин Невермор был угрюм, точно вечер декабря. Старомодный костюм цвета воронова крыла еще больше усиливал это впечатление. Не подавая гостям руки, он указал на кресла.

– Много слышал о вас, – холодно произнес Аластар Невермор.

– Надеюсь, сэр, только хорошее, – проговорил Уайт с легкой, почтительной улыбкой.

– Про мистера Гамильтона только хорошее, а вот про вас всякое, – черные глаза Невермора были пронзительны и неприветливы. – Я прекрасно осведомлен, за что вас вышибли из Калькутты.

– Это была досадная случайность. – Уайт с трудом выдавил из себя очередную улыбку.

– Случайность? Как можно «случайно» завести роман с дочерью раджи? О чем вы думали? Мистер Уайт, я не знаю, как было принято вести дела в нашем индийском отделении, но моя контора известна всем своей безупречной репутаци-

ей. Никаких скандалов я не потерплю. Никогда.

– Уверяю, все это в прошлом.

Лицо Невермора изменилось, глаза опасно сощурились.

– В прошлом? Как вы смеете мне врать? Вы даже на пароходе успели завести роман и закончили его отвратительным скандалом на глазах у всей публики!

Уайт почувствовал, как по спине бегут мурашки. Он не понимал, как начальник мог об этом узнать.

Невермор лишь усмехнулся:

– Что вы на меня так смотрите? Это же очевидно. Элементарная цепочка логики. Факт первый: у вас сбиты костяшки на левой руке. Ссадины едва начали заживать – вы сбили их совсем недавно. Факт второй: вы правша. Входя в кабинет, вы переложили трость в левую руку, освобождая правую для приветствия.

Теперь перейдем к вашей трости. Она сработана мастерски и находится в прекрасном состоянии. Лак на ней свежий, однако серебряный набалдашник выглядит истертым, инициалы «A.W.» читаются плохо. Значит, вы владеете ею много лет, крайне любите и относитесь к трости очень бережно. Тем больше обращает на себя внимание глубокая свежая вмятина на древесине. Итак, что все это означает? Вчера на вас внезапно напали и попытались ударить чем-то тяжелым. Инстинктивно вы парировали удар тростью, а затем угомонили нападавшего ударом левой руки. Подозреваю, били в челюсть. Одного удара хватило, ведь отметина на трости то-

же лишь одна, а костяшки правой руки в целости. Вопрос: где на пароходе джентльмен появляется с тростью? Ответ: на прогулочной палубе или в кают-компании. И там и там всегда много людей. Кто же мог напасть на вас с такой яростью да еще и на глазах у всей публики? Вор? Сомнительно. Картежник, которому вы должны? Не думаю. Мне присылали вашу характеристику, так что я знаю – азартные игры вы презираете. Остается самый банальный и потому самый вероятный мотив – ревность. Итак, на вас напал обманутый муж. Я ведь прав?

Уайт вздохнул, невольно вспоминая отправленного в нокаут почтового чиновника и его смешливую молодую жену.

– Вам бы, сэр, в Скотленд-Ярде работать, – с трудом выдавил Уайт.

– Я человек логики, а логика подсказывает, что работать следует там, где платят больше.

Господин Невермор откинулся на спинку роскошного кожаного кресла. Блеснули дорогие перстни.

– Господин Уайт, – Невермор заговорил угрожающе тихо. – Через месяц я отбываю в Санкт-Петербург. Если за время моего отсутствия вы вдруг меня подведете, то поверьте, я сделаю все, чтобы вы отправились в самое жалкое и самое отвратительное место на всей земле.

– Помилуйте, только не в Ирландию!

Невермор замер. Прошло несколько секунд. Неожиданно с его тонких губ сорвался легкий смешок. Атмосфера чуть

разрядилась. Предложив гостям сигары, Невермор заговорил с прибывшими о делах. Работы предстояло много, и разговор затянулся на несколько часов. Наконец Невермор выпустил в потолок синеватый табачный дым и произнес:

– Господин Гамильтон останется при мне – ему еще требуется набираться опыта. А что до вас, господин Уайт, вы человек в нашем деле бывалый, а потому займетесь самым важным – разъездной работой.

Лицо Уайта озарила улыбка. Шанс оказаться подальше от начальства пришелся ему по душе.

– В таком случае я поселюсь в Симферополе, – тут же заявил он. – Столица губернии располагается в центре Крыма, все дороги сходятся там. Очень удобно для разъездов.

– И находится этот город в семидесяти милях от нашей конторы, – дополнил Невермор, отлично понимавший истинную причину такого выбора. Он помолчал, немного подумал и наконец медленно кивнул: – Хорошо. Действуйте. Но запомните, я не прощаю людей, которые меня подводят. Никогда. Вам это понятно?

Вскоре разговор был закончен, и господин Уайт оказался предоставлен сам себе. Времени терять он не любил, а потому уже через пару часов Феодосия с ее шумом и пылью осталась позади. Нанятая коляска, подпрыгивая на ухабах, неслась по холмистой дороге. Арчибальд Уайт, с комфортом устроившись на мягких сиденьях, блаженно улыбался. Он думал о многом. О крымских девушках, смуглых и

черноглазых, о своей искренне любимой невесте, прекрасной Мэри Энн, уже пятый год дожидавшейся его в туманном Ливерпуле, о многочисленных поручениях начальника, о местных винах и о еще большей свободе, которую он получит, когда Невермор уедет в холодный Санкт-Петербург.

Он не думал лишь об одном. О смерти. О том, что не дождется его ни прекрасная Мэри Энн, ни дорогой сердцу Ливерпуль. Что очень скоро вместо ослепительной небесной лазури будет над ним темная, влажная земля. О том, что с каждым поворотом колес он приближается к своему убийце.

Всего этого господин Уайт пока еще не знал, а потому улыбался. Ослепительно и безмятежно.

Глава 2

В шести верстах от Симферополя, среди ползущих на склоны холмов виноградников и тенистых кипарисовых рощ, стояла усадьба купца Чертопузова, и была она – просто загляденье.

От каменных ворот начиналась прямая как стрела аллея, в конце которой приветливо белел господский дом. Сложенный из лучшего инкерманского известняка, он был украшен башенкой и деревянной галереей, идущей вдоль второго этажа.

В стороне стояли остальные, столь же идеальные постройки: контора, просторный флигель для слуг и амбары с зерном. Именно на торговле этим самым зерном и нажил свое немалое состояние Фрол Федосеевич Чертопузов.

Был он мужчиной плотным, осанистым, с густой окладистой бородой. Выглядел молодо, и только серебро, тронувшее иссиня-черные волосы, напоминало, что идет купцу уже сорок шестой год.

Жизнь Чертопузова текла размеренно и ясно. Капитал в пять тысяч рублей, что достался ему в наследство, он уже успел удесятить и с каждым днем продолжал богатеть. Человеком Фрол Федосеевич был простым и донельзя приземленным. Жил по усвоенному от отца правилу: все в этом мире имеет свою цену, вес и сорт, а любое дело сводится к

спросу и предложению. С этой меркой он подходил ко всему. Даже по утрам, ступая на увитое виноградом крыльцо и кидая взгляд на большой фруктовый сад, видел Фрол Федосеевич не цветущие абрикосы и грецкие орехи, а будущую прибыль, которую получит на осенней ярмарке. Прибыль Чертопузов любил. По его мнению, всегда было хорошо, когда что-то прибывает. Или кто-то – ведь поодаль, в усадебном парке, стоял еще и небольшой нарядный флигель, построенный специально под наем.

Вот уже месяц, как его снимал господин Уайт, торговец шерстью из Ливерпуля. Жилец этот сразу пришелся купцу по душе. Во-первых, торговаться за флигель заезжий англичанин даже не пытался, а во-вторых, заплатил сразу за полгода вперед. Еще купцу очень нравилось, что Уайт был из его круга – человеком деловым: вставал спозаранку, а затем, сделав зарядку и облившись в саду колодезной водой, прыгал в коляску нанятого им в Симферополе извозчика и уносился без устали разъезжать по жаркому Крыму. За прошедший месяц торговец успел посетить чуть ли не все уезды Таврической губернии. Такой ответственный подход к делу Фрол Федосеевич уважал. Кроме того, вернувшись из очередной поездки, англичанин порой был не против пропустить с купцом пару рюмочек и поговорить о чем-нибудь дельном.

Словом, с жильцом ему повезло, да и, если уж так подумать, в жизни Фролу Федосеевичу везло почти во всем и почти всегда. Болезни обходили его стороной, слуги были

верны, завистники и недоброжелатели – бессильны, а деньги текли неиссякаемой рекой.

И тем не менее каждый вечер купец выходил в сад, смотрел на огромный цветник, где густо пылали алые розы, закуривал папироску и тихо, горестно вздыхал.

Сам он розы не любил нисколько, но она однажды обмолвилась, что ей нравятся именно эти цветы, а потому он немедленно посадил их возле усадьбы. Ведь она хоть и не часто, но все же к нему заезжала.

Да, Фролу Федосеевичу везло во всем, во всем, кроме любви. Ведь в сорок шесть лет купец умудрился влюбиться – влюбиться трагически и безответно.

Жила его любовь в пяти верстах, в усадьбе своего покойного мужа, статского советника Белозерского. Звалась она Ангелиной Максимовной, было ей двадцать девять лет, и никого прекрасней ее не было.

Он, как владелец обширной торговли, был человеком солидным, здравомыслящим и сухим, но стоило вспомнить Ангелину Максимовну, как его рассудок словно туманился. Фрол Федосеевич и сам не смог бы объяснить, что именно его в ней трогало. Не красота в общепринятом смысле, нет. Было в ней что-то другое: большие, светлые глаза, которые смотрели на мир как-то сразу и наивно, и устало; губы, которые никогда не трогала злая улыбка; выражение лица – гордое, но в то же время беззащитное.

Она была словно не от этого мира. Состояние, достав-

шея ей от деда, прославленного генерала Белогорского, по большей части растратил ее муж. Оставшиеся после его смерти деньги – сорок тысяч в банке – таяли стремительно, ибо шли на бесконечную благотворительность, больше походящую на мягкосердечную раздачу милостыни. Усадьбой своей Ангелина Максимовна управлять не умела и, казалось, не желала – крыша господского дома протекала, виноградник хирел, постройки приходили в негодность.

Фрол Федосеевич знал обо всем. Знал, что дела ее разстроены, знал, что ее обманывают и приказчик, и ключница и что доктор, берущий у нее деньги на устройство больницы для бедняков, начал отстраивать в Севастополе доходный дом, а попечитель открытого ею сиротского приюта не так давно выписал своей любовнице изумрудное ожерелье прямо из Дрездена.

И эта самая непрактичность Ангелины Максимовны, эта трогательная и разорительная беспомощность почему-то не раздражали его, а, напротив, вызывали в купеческой, расчетливой душе Фрола Федосеевича щемящее чувство. Ему страстно хотелось опекать ее.

Он бывал у нее с визитами, предлагал помочь с ремонтом усадьбы, объяснял, как надо следить за отданными на благотворительность деньгами, советовал, куда выгоднее разместить капитал. Сидел в ее гостиной, пил чай с вареньем из грецких орехов и, боясь поднять взгляд, смотрел на ее прекрасные руки, слушал тихий, ровный голос, и ему казалось,

что в комнате пахнет не воском и пылью, а витает дух чего-то возвышенного, чего он был лишен всю свою жизнь.

В другие моменты Фрол Федосеевич мысленно подсчитывал свои средства и прикидывал, что если сложить их капиталы да вести дело с умом, то можно бы зажить еще более солидно и прекрасно... И тут же, поймав себя на этой деловой мысли, он стыдился и смущенно замолкал.

Ангелине Максимовне купец был симпатичен. Он нравился ей своей основательностью и тихой силой, она ценила его доброту, однако тронуть сердце девушки купец был не в силах. Ее душа жаждала чего-то поэтического, жаркого, крымского – лунных ночей, шепота кипарисов, страсти... А Фрол Федосеевич сидел перед ней, пил чай из блюдца и говорил, что, мол, пора бы починить кровлю, а то к зиме стропила окончательно прогниют. И в глазах у него светилась такая неподдельная, такая безмолвная и грустная нежность, что у Ангелины Максимовны сжималось сердце от какой-то непонятной вины.

И она, чтобы сделать ему приятно, соглашалась насчет кровли и благодарила его, звала непременно приехать на будущей неделе, а он кланялся, уезжал, а потом долго сидел на своем крыльце и глядел в сторону ее усадьбы. Ему было и грустно, и сладко, и немножко смешно от самого себя.

И все же порой ему казалось, что вот сейчас он сядет в свой экипаж, поедет к ней и скажет просто, без обиняков, то главное, что вертится на языке уже много месяцев. Но он

не ехал. Пять верст и одна непроходимая пропасть – вот что было между ними.

Такова была любовь Фрола Федосеевича. И вот именно из-за прекрасной Ангелины Максимовны все и началось.

* * *

Веранда утопала в сиреневых сумерках. В воздухе, густом от аромата цветущего табака, медленно кружились зеленые светлячки. За столом, под колеблющимся светом масляной лампы, восседали английский коммерсант Уайт и русский купец Чертопузов. Между ними стоял хрустальный графин с золотистым хересом, под который и шла беседа.

За этот вечер они выпили немало да и поговорили о многом. Обсудили, разумеется, цены на шерсть, зерно, капризные биржевые котировки. Потом говорили о дезертирах, укравших двух поросят в соседнем имении, и о подлости Наполеона Третьего, заставившего турецкого султана отобрать у православных ключи от Вифлеемского храма. Затем рассуждали, не случится ли тогда войны с Турцией и как она скажется на торговле в Крыму. Затем говорили о погоде в Ливерпуле и трудностях в изучении русского. Надо сказать, знал его англичанин блестяще, хоть и говорил с легким акцентом. Наконец, речь зашла о трагедии, что на днях случилась в Симферополе, где один пехотный капитан свел счеты с жизнью из-за несчастной любви.

Господин Уайт досадливо поморщился:

– Подумать только, лишить себя жизни из-за женщины!

Как же это глупо!

Фрол Федосеевич покачал головой и отхлебнул хереса. Перед глазами сам собой появился прекрасный образ Ангелины Максимовны. Купец глубоко вздохнул. Он несчастного капитана понимал как никто другой.

– Вы, Арчибальд Джонатанович, судя по всему, никогда не ведали мук безответной любви.

Англичанин чуть улыбнулся и посмотрел на купца сквозь бокал:

– Сознаюсь – не ведал.

– Стало быть, вам повезло.

– О, дело здесь не в удаче. Уверяю вас, такого явления, как «безответная любовь», в природе не существует. Есть лишь недостаток умения, вот и все. – Господин Уайт по-кошачьи потянулся, и в его глазах вспыхнул азартный огонек. – Поймите, добиться можно любой женщины, даже самую неприступную – нужно лишь знать подход. Любая крепость имеет слабое место. Найдешь его – и всей обороне конец. Одни, с позволения сказать, «крепости» берутся упорной осадой, другие – не могут противиться решительному штурму, третьи – требуют маневра и хитрости, а четвертые – банального подкупа гарнизона, но запомните: неприступных крепостей не существует. Для каждой найдется свой ключ. Законы войны и любви поразительно схожи.

Фрол Федосеевич смотрел на собеседника с немым недоверием, словно тот изрекал тайны каббалы.

– Выходит, по-вашему, любую женщину можно... завоевать?

– Любую. Уверяю вас. За всю жизнь не встречал крепости, что устояла бы передо мной. Знаете, сколько «победных режаний» значится на моем личном счету?

Несколько захмелевший господин Уайт сделал многозначительную паузу, а затем поманил купца пальцем и, склонившись к его уху, прошептал число.

Глаза Фрола Федосеевича расширились до размера чайных блюдец.

– Да быть не может!

– Уверяю.

– Да нет же...

– Слово джентльмена.

– Да это же физически невозможно!

– Еще как возможно.

– Да как вы успели только? В ваши-то годы!

– О, тут секрета нет, мой друг, – невинно пожал плечами англичанин. – Просто я никогда не веду военные действия только на одном фронте.

Господин Уайт улыбнулся, допил херес и удивительно легко поднялся с кресла.

– До завтра, любезнейший Фрол Федосеевич. Поздно уже, а нам обоим предстоит работать. Желаю вам хороших снов

и... плодотворных размышлений. — Щегольнув знанием русского, гость, насвистывая мелодию, ушел к себе во флигель. Фрол Федосеевич же еще долго сидел в плетеном кресле, пытаясь хоть как-то прийти в себя от ошеломившей его цифры.

— Ну Уайт, ну чародей, — наконец резюмировал купец, после чего допил остатки хереса и, пошатываясь, отправился спать.

* * *

Ночной разговор так и не оставил купца. Все это время он пусть и пытался добиться Ангелины Максимовны, но в глубине души понимал всю тщетность своих попыток. Теперь же заморский гость снова пробудил в нем надежду. Три дня купец промаялся, всячески продумывая планы взятия «крепости». Увы, ничего путного в голову так и не пришло.

Подкупом, конечно, эту «крепость» было не взять. Во-первых, и так ясно, что Ангелина Максимовна не такая, а во-вторых, он уже пробовал. На Рождество выписал для нее брошь из Петербурга — золотую, в виде большущего павлина, украшенного изумрудами по хвосту. И что в результате? Вернула подарок Ангелина Максимовна и больше просила ничего дорогого не присылать.

С осадой тоже не получалось, ведь купец и так каждую неделю к ней ездил и всячески старался очаровать. Даже верного приказчика Тимоху подрядил вызнать, что ее душе

близко. Тимоха-то плут, быстро все разнюхал. Выяснилось, очень она книги любит. Ну, Фрол Федосеевич сразу и начал действовать, целый месяц с Ангелиной Максимовной только о книгах и говорил. О псалтыре, о Ветхом Завете, о Все-российском ярмарочном указателе, об адресной книге Сева-стополя, о всеобщем медицинском лечебнике, о конторских книгах своих, о Своде законов Российской империи (об этом он Ангелине Максимовне дольше всего вещал, ибо там, сла-ва богу, пятнадцать томов было). И что в итоге? А ничего – никаких результатов. Не разгорелись от этого у Ангелины Максимовны к купцу чувства. Вот тебе и осада.

О штурме же лобовом Фрол Федосеевич и подумать не мог. Он и в глаза-то Ангелине Максимовне смотреть не от-важивался, а чтобы прям в лоб сказать, какая она расчудес-ная, это вообще было для него немыслимо.

Повздыхал купец, провел пару ночей без сна и понял, что без помощи заграничной ему не справиться. Подождал, пока Уайт вернется из очередной поездки, аккуратно постучал в дверь флигеля и вскоре был приглашен.

– Как съездили? Как Севастополь? – оттягивая как можно сильнее переход к теме визита, осведомился купец.

Англичанин кинул взгляд на свою изящную, украшенную серебром записную книжку и улыбнулся купцу.

– Севастополь прекрасен, и успехи есть. Напряженные от-ношения с Турцией мне даже выгодны. Интендантам требу-ется сукно, осталось лишь понять, как заполучать военные

подряды. Если удастся, то шерсти мы продадим много. Но сами понимаете, в чем препятствие.

Купец покивал. Севастополь был главной базой флота, и иностранцы в городе могли по закону пребывать не больше суток.

Мужчины помолчали, наконец англичанин вопросительно посмотрел на хозяина усадьбы.

– А как вы поживаете, Фрол Федосеевич? Вы ко мне по делу или просто так?

Тут уж купец не выдержал, шагнул вперед и прижал руки к сердцу.

– По делу я. Спасайте. Совсем пропадаю.

Господин Уайт даже вздрогнул.

– Что у вас случилось?

Замаялся Фрол Федосеевич, но затем все же выдохнул и произнес как на духу:

– Девушка одна есть... Как подступиться к ней, я и не знаю. Выручайте, Арчибальд Джонатанович, только на вас надежда.

Господин Уайт аж расцвел, заулыбался, подмигнул купцу:

– Фрол Федосеевич! Зачем вы замолчали? Рассказывайте. Что за крепость неприступная? Каких очертаний у нее бастионы? Как давно построена была? На нейтральной ли она территории стоит или на вражеской?

– Да боже упаси! – Фрол Федосеевич даже перекрестился. – Никаких вражеских территорий! Вдовушка она! А лет

ей двадцать девять. Ум и благородство необыкновенные! Благотворительностью занята, приют для сирот устроила. А утонченная-то какая! Она цветочек редкий, а я – человек грубый, к земле тяготеющий. Как подступиться? Боюсь и словом неловким обидеть, и вниманием своим навязчивым потревожить.

Англичанин отмахнулся:

– Цветочки, они как раз из земли и растут, тут не переживайте. Что ж вы замолчали? Как сия крепость называется? Где расположена? Как давно комендант ее умер?

Вздохнул купец и как на духу всю свою историю несчастную и выложил, сбивчиво, смущенно, руки в замок сцепив. Англичанин слушал, и с каждым словом любопытства в глазах его становилось только больше. А Фрол Федосеевич все говорил:

– И ведь душа у нее – чистейшей воды алмаз, сияет всеослепительно, а достучаться никак не могу! Да и к тому же она аристократка, а я кто? Купец да еще и старше насколько.

Господин Уайт выслушал внимательно, точно доктор, и наконец важно вынес вердикт:

– Случай крайне сложный, дорогой Фрол Федосеевич. Таковую леди брать можно только осадой. А осада требует, сами понимаете, подробного изучения неприятельской обороны. Вы говорите, она рядом живет, в усадьбе? Когда там ближайший званный вечер? Надо бы мне на нее взглянуть.

Тут-то Фрол Федосеевич и насторожился. Такое в планы

его совсем не входило. Одно дело – рассказывать, но тащить этого ливерпульского донжуана прямо к Ангелине Максимовне?..

Замаялся купец. Господин Уайт уловил его страх. Он тонко улыбнулся, закурил сигару и пустил дым кольцом в собравшийся под потолком сумрак.

– Дорогой друг, – сказал он мягко. – Если вы хотите, чтобы я стал вашим военным советником, то вам придется мне доверять. Решайтесь. Это же вам нужно, не мне. У меня и так сейчас роман с дочерью бахчисарайского мурзы, да еще тут, по соседству, мне не так давно жена князя Пинина сдалась. Хороша! Слов нет.

Купец аж вздрогнул от такой новости.

– Да вы что! Опомнитесь! Князь Пинин, он же бретер, убийца! Если узнает, вам конец!

– Если всего на свете бояться, лучше и не жить! – Господин Уайт широко улыбнулся. – Ну так вот, у меня поблизости уже есть две симпатичные девушки, и это я еще не говорю про супругу почтмейстера, с которой я познакомился на пароходе. С ней тоже переписываться приходится, а ведь у меня есть и работа! В общем, не хотите – не надо.

Фрол Федосеевич горестно вздохнул, нутром чуя, что все получится из рук вон плохо, и в последний раз попытался сделать все по-своему:

– А может, я о ней просто расскажу побольше? Розы она любит, собачек всяких и сироток. Книги еще читать. Ви-

ноградник также у нее от супруга остался. Сорт там растет местный, «Кефе юзюм». Площадь – четыре десятины. В прошлом году сто шестьдесят пудов винограда дал, но это потому, что ухода хорошего нет. Если за дело взяться, можно и пятьсот пудов получать. Сорт, понятно, винный, стоит дешево, но ведь никто ж не запрещает винодельню рядом построить. Там еще полдесятины простаивает. Ну вот, если винодельню построить, то с переработанного продукта прибыль уже совсем другая. Вы меня спросите, конечно: Фрол Федосеевич, это вы хорошо придумали, а где ж вы бутылки покупать будете под розлив? А я вам скажу, бутылкам свое время. В первое время просто по бочкам разливать можно и в Одессу. Вот сами подумайте...

– Фрол Федосеевич, какие пуды, какой виноград, какие бочки? Вы о чем? Или вы мне эту крепость показываете, чтобы я диспозицию оценил, или конец нашему разговору.

В этот момент Фрол Федосеевич еще мог ответить «нет». Более того, он так и собрался сказать, даже открыл рот, но с огромным изумлением услышал, что произносит следующее:

– В субботу у нее званый вечер.

Господин Уайт довольно улыбнулся.

– Ну вот и договорились. Посмотрим, Фрол Федосеевич, что там за цитадель неприступная, с которой вы справиться не можете.

Они попрощались. Выйдя на крыльцо, купец еще долго

стоял в ночной тишине. Потом он вытащил папиросы, постоял и, резко смяв пачку, швырнул в кусты, костеря себя самыми последними словами.

Глава 3

Каждый раз, когда у Ангелины Максимовны проводились званые вечера, усадьба Белогорских-Белозерских преображалась, на краткое время надевая маску былого великолепия. Слуги пусть и в старых, но тщательно выбеленных перчатках разносили шампанское и закуски, обычно темные комнаты освещали мириады свечей, а в главном зале появлялись нанятые в Симферополе музыканты.

Ангелина Максимовна любила такие вечера, ибо именно это был ее настоящий мир – блеск эполет, свет канделябров, умные разговоры о новинках литературы и политике, легкие беседы о моде и новостях столицы. Она была прекрасной хозяйкой, умной собеседницей, умела выслушать и сказать приятное. На ее приемы приезжали местные дворяне и севастопольские офицеры, симферопольские чиновники и бахчисарайская знать, все считали честью быть принятыми в доме молодой вдовы, приходящейся внучкой знаменитому на всю Россию генералу Белогорскому, герою Наполеоновских войн.

Фролу Федосеевичу было трудно на таких вечерах. Танцевать он не умел (вернее, плясал он отменно, но преимущественно вприсядку да барыню), в карты играть не любил (ибо еще от отца выучил, что наука эта придумана дьяволом) и спасал себя лишь разговорами с гостями, стараясь, одна-

ко, не пересекаться с некоторыми людьми. А именно: со своим соседом, отставным чиновником Николаем Ивановичем Клубнем, и князем Львом Варфоломеевичем Пининым.

Николай Иванович, всю свою жизнь посвятивший лишь работе и садоводству, умел рассказывать и о том, и о другом так долго и скучно, что даже деловой купец, слушая его, начинал впадать в летаргию. Князь Пинин, напротив, говорил резко, громко и всегда увлекательно. Более того, по какой-то странной причине купцу он благоволил, однако Фрол Федосеевич все равно старался его избегать. Крепостник и дуэлянт, князь славился своей жестокостью, по всей губернии шепотом передавались истории о его диких выходках и о том, как бесследно исчезали люди, чем-либо ему не угодившие.

Впрочем, в тот раз купцу было не до других людей. Затянутый в тесный, страшно неудобный фрак, он всецело сосредоточился на деле, ради которого они с господином Уайтом и приехали.

Прекрасная хозяйка встретила их на крыльце. Платье надела она белоснежное, пышное до невероятности. На взгляд купца, Ангелина Максимовна в нем была прям как цветущая яблонька. Девушка улыбалась, ее светлые глаза радостно блестели. Фрол Федосеевич, как и всегда в такие моменты, быстро растерял весь свой дар речи.

– Ангелина Максимовна... – начал он, запинаясь и густо краснея. – Честь имею... Прием... чудесный как есть. Как

вы чудесный. И платье ваше тоже чудесное. Вы в нем точно ангел божий.

Своими большими руками он протянул девушке огромный букет роз в дорогой серебряной бумаге.

Ангелина Максимовна улыбнулась, принимая дар.

– Благодарю вас, Фрол Федосеевич. Мне очень приятно. Как ваши дела? Вы давно не заезжали.

– Помилуйте, жатва начинается, пшеница, закупки, ну да это скучно вам. Я это... в Симферополе был. Сироткам вашего приюта еды завез. Муки четыре пуда, капусточки, мяса пуд. С попечителем приюта разговаривал. Страшал. Заигрывает он ваши деньги.

– Помилуйте, я прекрасно его знаю, он честнейший человек. Вы просто предвзяты к нему.

«Да он плут!» – хотел сказать Фрол Федосеевич, но под мягким взглядом Ангелины Максимовны так и замолк. Тем более что он наконец вспомнил, что рядом стоит его «военный советник».

Указав на господина Уайта, он представил его хозяйке. Рекогносцировку свою англичанин начал сразу же, и секунды не потеряв. Едва Фрол Федосеевич замолчал, как Уайт изобразил на своем лице любезнейшую из улыбок и вступил в беседу на беглом французском. Фрол Федосеевич не понимал ни слова и лишь следил за лицами. Кажется, англичанин то ли шутил, то ли просто говорил нечто веселое, но на лице Ангелины Максимовны очень быстро появилось отстра-

ненное выражение рассеянной вежливости, а затем и вовсе некая скука. Взгляд ее, ясный и спокойный, оставался незаинтересованным. Проговорив ровно столько, сколько предписывает светский этикет, она извинилась и покинула их, шагнув навстречу к приехавшему седоусому генералу.

Купец перевел взгляд на господина Уайта. Лицо англичанина было бесстрастно, лишь в глазах читалось столько возмущения, что словами это было не передать.

Минут десять господин Уайт только и делал, что пил шампанское и оскорбленно молчал.

Наконец, перебросившись парой острот с офицерами и невинно поздоровавшись с князем Пининым, который посмотрел на англичанина так, будто был готов убить его прямо на приеме, господин Уайт предпринял вторую вылазку.

Ангелина Максимовна как раз закончила наигрывать вальсы Штрауса. Господин Уайт подошел к роялю, нежно провел рукой по черному дереву и завел с девушкой новую беседу. Теперь уже говорили на русском и, как услышал Фрол Федосеевич, о музыке. Ангелина Максимовна вежливо поддерживала разговор и даже кивнула, соглашаясь с парой, надо признать, остроумных замечаний. Однако тон ее оставался неизменно приветливым, ровно таким же, каким она говорила со всеми прочими гостями. Вскоре беседа умолкла сама собой, и хозяйка отошла к другим гостям, будто начисто забыв о существовании господина Уайта.

Третья рекогносцировка была самой интенсивной и, как

показалось Фролу Федосеевичу, граничила с полным отчаянием. Под конец вечера, улучив момент, господин Уайт вновь очутился рядом с девушкой и, склонившись, что-то прошептал ей на ухо. Ангелина Максимовна подняла тонкую бровь. Взгляд ее глаз, прежде столь безмятежный, стал пронзительно-холоден, точно острие стилета. Она бросила Уайту какую-то фразу, заставившую гостя застыть. После этого Ангелина Максимовна как ни в чем не бывало развернулась к нему спиной и с радушной улыбкой обратилась к отъезжавшей даме. Больше она не удостоила англичанина ни единым взглядом.

Когда господин Уайт вернулся к купцу, Фрол Федосеевич не смог сдержать усмешки. Хотя и провалилась вся их разведка, а понравилось ему, как прекрасная Ангелина Максимовна укатала англичанина. Пусть знает, что такое настоящая русская девушка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.